

рике, в том числе весьма богатый старший брат, эмигрировавший после революции. Во время войны родственные связи советских евреев очень помогли получению СССР помощи США. Это теперь сионисты напрочь «забыли», что именно Советский Союз спас миллионы евреев Европы от физического уничтожения фашистами. А тогда все было видно, как в свете прожектора.

Именно благодаря Советскому Союзу появилось государство Израиль. И надо же было так получиться — случайно ли, неслучайно ли, что

раиля давало возможность осуществить заветную сионистскую мечту собрать там евреев со всего света. Зачем же еще делать то же самое в Крыму? У евреев, как известно, при всем их уме и напоре, отсутствует чувство меры, что приводит ко многим неприятностям. В данном случае это проявилось вновь. Крымский проект был решительно отвергнут, а его авторы сурово наказаны.

Молотову еще до ареста Жемчужины порекомендовали развестись с ней. Он не внял советам. Многие авторы упрекают Молотова в том,

упрекают, Управделами Совета Министров СССР в 1964—89 г.г., он и до июльского пленума 1957 года не раз в лицо говорил Хрущеву, что никакого поста, кроме министра сельского хозяйства, тот не заслуживает.

Ключевой вопрос поворота в партии и государстве, во всем мировом коммунистическом движении, приведшего к их развалу, — XX съезд КПСС с докладом Хрущева о «культе личности». Почему Молотов отмолчался? Вот что он говорил об этом Феликсу Чуеву.

— О том, что Хрущев выступит с

если бы мы, даже я выступил с такими взглядами, нас бы легко очень исключили. Это вызвало бы, по крайней мере, в некоторых слоях партии раскол. И раскол мог быть очень глубоким. Вот Тевосян, тогдашний министр черной металлургии, он мне кричал: «Как это так? Как это так?» Он сталинист, да. То же самое Юдин, посол в Китае. Вот они двое ко мне приходили на съезде.

Некоторые, стоящие примерно на такой же точке зрения, предъявляют Молотову обвинение: «А чего же вы молчали на XX съезде?» Значит, это

В 1957 ГОДУ МОЛОТОВ, ПРИ ПОДДЕРЖКЕ КАГАНОВИЧА, БУЛГАНИНА, ВОРОШИЛОВА, МАЛЕНКОВА, ШЕПИЛОВА СНЯЛ ХРУЩЕВА НА ЗАСЕДАНИИ ПОЛИТБЮРО С ПОСТА ГЕНСЕКА. НО ЧЕРЕЗ ТРИ ДНЯ ПЛЕНУМ ЦК, СОЗВАННЫЙ ФУРЦЕВОЙ, СУСЛОВЫМ, ЖУКОВЫМ И ИГНАТОВЫМ, ВОССТАНОВИЛ ЕГО. РАЗРУШЕНИЕ ПАРТИИ, ГОСУДАРСТВА, СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ЛАГЕРЯ ПРОДОЛЖАЛОСЬ ЕЩЕ 7 ЛЕТ — УЖЕ БЕЗ ВСЯКОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ, ПОД БУРНЫЕ АПЛОДИСМЕНТЫ...

послом этого государства в Москве стала подруга юности Жемчужины Голда Меир. После первой встречи их отношения сразу вышли за официальные рамки. Дальше — больше. А через некоторое время на заседании Политбюро произошел эпизод, весьма неприятный для Молотова.

— Странно как-то получается, — сказал Сталин — Сегодня мы с вами обсуждаем тут государственные дела, а завтра об этом сообщает своему правительству посол Израиля...

Молотов после этого продолжал оставаться на всех своих постах, но на заседания Политбюро его приглашать перестали. Был и еще один эпизод, довольно загадочный. Во время официального визита в США Молотову для поездки по стране был выделен специальный вагон, чего ранее в дипломатической практике никогда не было. В этом вагоне Молотов и американский госсекретарь уединялись в купе, куда не был допущен советский переводчик, и довольно долго что-то обсуждали. Это было грубейшим нарушением.

В результате Молотов стал заместителем министра и, по его словам, не имел других обязанностей на службе, кроме чтения газет. Но причин происшедших перемен не объяснил. Арестованная Жемчужина сообщила на допросе в КГБ, что передавала с мужем письма к американским родственникам.

Серьезную негативную роль в судьбе Молотова после войны сыграла его поддержка идеи создания в Крыму Еврейской Советской Социалистической Республики. Лидеры еврейской общины во главе с руководителем Еврейского театра С. Михоэлсом при мощной поддержке американских сионистов активно добивались ее осуществления. П. Жемчужина, тесно связанная с ними, тоже прилагала к этому присущую ей незаурядную энергию, подключив и Молотова.

Сталин не мог поддержать инициативу сионистов. К тому времени уже было создано еврейское государство Израиль в Палестине. В его создании решающая роль принадлежала Советскому Союзу, сумевшему преодолеть сопротивление своих недавних союзников. Неудивительно, что в руководящем ядре Израиля оказалось немало выходцев из нашей страны. Моше Даян, Голда Меир — наиболее известные из них. Образование Из-

что он не защищал свою жену. Еще как защищал! И отступился лишь после того, как Сталин показал своему другу фотографии, уличающие его жену в супружеской неверности.

В 1949 году Вячеславу Михайловичу исполнилось 60. Несмотря ни на что, в печати появилось поздравление от ЦК ВКП(б) и Совета Министров СССР. Его наградили орденом Ленина. Ничем другим юбилей отмечен не был.

ПОСЛЕ СТАЛИНА

До самой смерти Сталина Молотов был отстранен от активной работы, хотя за ним сохранялись все его выборные и государственные должности. Не был он и у смертного одра вождя, не участвовал в дележе главных постов. После долгого перерыва страна увидела Вячеслава Михайловича несущим его гроб. Важнейший знак.

Захватившим власть Хрущеву, Маленкову и Берия нужна была такая фигура в новом руководстве. Никто из них и близко не подходил к авторитету и известности Молотова, а уж о репутациях этой троицы и говорить нечего.

Сам Молотов никогда ни словом не обмолвился, как он согласился на хитроумный роспуск созданного Сталиным на XIX съезде КПСС расширенного Политбюро, куда вошли молодые способные люди, зарекомендовавшие себя в военные и послевоенные годы. Опять роковая для него ошибка, непростительная для человека с таким политическим опытом. Хотя, скорее всего, его никто и не спрашивал. Видимо Молотов, думал, что троица Хрущев, Берия, Маленков — все это фигуры временные, в чем убедила ликвидация Берии.

Но время шло, а позиции Хрущева все укреплялись и укреплялись. Как этому невежде можно доверить высшую власть?

Характеристики, даваемые Молотовым Хрущеву в беседах с Феликсом Чуевым, просто убийственны: «насквозь гнилой человек», «не обладал мышлением в государственных масштабах», «не революционер — вот его главная сущность». Вячеслав Михайлович не скрывал их. Как свидетельствует М.С. Смир-

таким докладом на XX съезде, нам было известно. Доклад не обсуждали в ЦК, но суть была известна. Я пытался выступить по югославскому вопросу с критикой позиции Хрущева в 1955 году, но меня товарищи не поддержали, а все-таки я пользовался некоторым авторитетом в партии. Потом, правда, сказали, что я был прав. Вот Ленин — огромный авторитет, и многие понимали, что надо идти за Лениным. Через 10 лет Сталин завоевал огромный авторитет, стали идти за Сталиным. А после Сталина многие растерялись: куда идти?

Когда Хрущев зачитал доклад на XX съезде, я был уже совсем в стороне. Не только в министерстве... От меня старались подалеже держаться.

— Часто задают вопрос: почему на XX съезде вы не выступили против Хрущева? Ваша группа?

— Я думаю, должен дать ответ на этот вопрос нашей партии. Тогда я это очень обдумывал долго, с разных сторон. Не готова была партия к этому. Нас бы просто вышибли. Я надеялся, что, оставаясь в партии, мы понемногу выправим положение. А тогда бы это неожиданно было, если бы мы встали, никто не поддержал бы. Нет, никто. Надо было подготовить немного.

У меня было другое мнение. Я единственное, что сообщу — кое-какие мои поправки были приняты по вопросу о социализме, но коренным образом я вопроса не выдвигал. И опасность была в том, что и в нашей группе, довольно пестрой по своим установкам, фактически пестрой, мог произойти раскол, ничего хорошего не обещающий, так как дело для партии в целом было неподготовлено.

— А доклад Хрущева обсуждали на Политбюро?

— Обсуждали. Большинство поддерживало. Безоговорочно.

— В народе критика Сталина не была подготовлена, а наверху это, видимо, уже было готово?

— Это не поддерживалось открыто, а фактически тянулось к этому. Тянулись, да. Неустойчивость была в этих вопросах.

До сих пор ведь многие одобряют этот доклад. В лучшем случае мог произойти раскол — я этого тоже боялся. Открытый раскол, его залечить было бы очень трудно.

В партии это было как раз закручено под настроение. Я считаю, что при том положении, которое тогда было,

не так просто. А разве правильно было молчать? Так нельзя просто. Молчание — знак согласия, обыкновенно говорят. Вот и получилось, что молчал, значит согласился. Никто, даже противники, в том-то и дело, не могут мне предъявить, что я был согласен с Хрущевым, а вот то, что промолчал, — это факт.

Л.М. Каганович в беседе 7 октября 1989 года сказал Ф. Чуеву, что Молотов, Ворошилов и он не согласились с закрытым докладом Хрущева на XX съезде, с которым Хрущев дал им возможность лишь бегло ознакомиться в перерыве между заседаниями. «Президиум ЦК не поручал Хрущеву выступать с этим докладом, как он утверждает в своих мемуарах, — говорит Каганович, — он сам взял на себя это. И мы тогда не выступили открыто лишь потому, что не хотели раскола партии».

— Спрашивают: «Как позволили Хрущеву выйти с этим докладом?»

— Большинство. Все согласовали... Я не помню, читали ли мы доклад, но в общем, докладывали.

— Этот доклад перевернул всю политику. С него началось.

— Не перевернул, а помог. Не с него началось. Если подумаете, тоже вспомните. Началось это раньше, конечно. Югославский вопрос был в 1955 году. На год раньше, до XX съезда. Я считаю, что уже в югославском вопросе поворот был совершен. Конечно. А я сделал попытку выступить — все против меня, все, в том числе и те, которые через год-полтора поддержали.

Поворот-то был раньше сделан, а поскольку поворот был сделан, Хрущев подобрал на XX съезде такой состав, который орал ему «ура!». Я выступил против него открыто.

— Почему он против Сталина пошел так?

— Потому что у него другая политика. Он правый... Правые и троцкисты сходятся. В период 30-х годов мы считали главной опасностью правых, а не троцкистов.

Хрущев в душе был противником Сталина. Сталин — все и вся, а в душе другое. Личное озлобление его на любые шаги толкает. Озлобление на Сталина за то, что его сын попал в такое положение, что его расстреляли фактически. После такого озлобления он на все идет, только бы запечатать имя Сталина.

После XX съезда начались дурац-